

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 821.161.1

Т. И. Акимова

T. I. Akimova

**ОСОБЕННОСТИ ПОВЕСТВОВАНИЯ В «ЗАПИСКАХ
КАСАТЕЛЬНО РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ» ЕКАТЕРИНЫ II:
«ЕВАНГЕЛЬСКОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ» УСТАМИ ИМПЕРАТРИЦЫ****FEATURES OF THE NARRATIVE IN “NOTES
CONCERNING RUSSIAN HISTORY” BY CATHERINE II:
“GOSPEL ENLIGHTENMENT” BY THE MOUTH OF THE EMPRESS**

Ключевые слова: творчество Екатерины II, «евангельское просвещение», способы повествования, авторская стратегия «дидактический монолог», метод герменевтического погружения, религиозный смысл русского летописания, поворот от западничества к славянофильству.

В статье рассматривается авторская стратегия Екатерины II в «Записках касательно российской истории». Подчеркивается, что в способах подачи исторического материала она старается исходить из указания на международные отношения, семейные связи и роль Церкви в государстве. Возвращение к религиозному смыслу летописей обусловливается обращением автора к: 1) церковному летоисчислению — от Рождества Христова, 2) акценту на том имени князя Древней Руси, которое он получил при Крещении, 3) роли Церкви в истории российского государства, увеличении его могущества и престижа.

Key words: the works of Catherine II, “Gospel enlightenment”, methods of narration, author’s strategy of “didactic monologue”, method of hermeneutic immersion, religious meaning of Russian annals, turn from Westernism to Slavophilism.

The article deals with the author’s strategy of Catherine II in «Notes Concerning Russian History». It is emphasized that in the ways of presenting historical material, she tries to proceed from the indication of international relations, family ties and the role of the Church in the state. The return to the religious meaning of the annals is determined by the appeal of the author to: 1) the church chronology — from the Nativity of Christ, 2) the emphasis on the name of the prince of Ancient Rus he got at Baptism, 3) the role of the Church in the history of the Russian state, increasing its power and prestige.

«Записки касательно российской истории» — важнейший труд императрицы Екатерины II позднего периода ее творчества, который пришелся на 1780 — 1790-е гг. Несмотря на то, что интерес к древнерусским летописям¹ у Екатерины проявился уже сразу после воцарения, приступает она к работе над «Записками» только в начале 1780-х², и это занятие поглощает ее до самой смерти, до 1796 г. Анонсированное в «Записках» описание пяти эпох Российской истории обрывается на середине треть-

его периода, который должен был охватывать события с 1224 по 1462 г., как обозначала этот период сама Екатерина II — «от пришествия до изгнания татар», вследствие чего все ее внимание было сосредоточено на летописных источниках, отсылающих к периоду Киевской Руси, так называемой славянской античности, и проникнутых православно-христианским мироощущением древнерусских летописцев.

Безусловно, большая заслуга в привлечении широкого читательского внимания к «Запискам касательно российской истории» в XIX в. принадлежит Н. А. Добролюбову, который сразу отметил особую интенциональность их автора, сумевшего «...набросить на все темные явления русской жизни и истории какой-то светлый, даже отрадный колорит»³, а также подчеркнул генетическое родство этого произведения императрицы с древнерусскими летописями.

Помимо Я. К. Грота и А. Н. Пыпина, первых систематизаторов и комментаторов творчества Екатерины II, наиболее полную работу по определению летописных источников в «Записках касательно российской истории» проделала Г. Н. Моисеева, указав на использование императрицей копий «...многих древнерусских памятников из Патриаршего Синодального собрания, типографской библиотеки, Архива Коллегии иностранных дел, собрания рукописей Троице-Сергиевой лавры»⁴, прежде всего Троицкой летописи, а затем и Никоновской. Вывод, к которому приходит исследовательница в своей работе, касается идеологического значения труда государыни — это уроки «общественного воспитания» на примере русской истории, т. е. такая задача, в ходе реализации которой читатель «Записок» перенимал модель поведения образцовых подданных древнего российского государства. Так, не называя авторских стратегий Екатерины II, Г. Н. Моисеева указала на необходимость их изучения.

Сугубо идеологическая сторона «Записок» была исследована в большой монографии Ю. В. Стенника, который, обратив внимание на противостояние Н. И. Новикова Екатерине II, когда та ужесточала процесс секуляризационных тенденций в период создания «Вивлиофики»⁵, сделал вывод об изменениях в отношении императрицы к европейским ценностям, особо ощутимых в конце 1780-х гг. Именно тогда общественная мысль обращается «к истокам русской государственности, к памятникам национальной старины, к древности — как хранительницы чистоты отечественных устоев жизни»⁶.

Большинство современных исследователей рассматривают «Записки» с точки зрения историографической достоверности и выявления способов работы писательницы-императрицы с историческим фактом. Так, по мнению М. Б. Свердлова, в этом труде Екатерины II «...был последовательно осуществлен принцип целенаправленного отбора и интерпретации сведений исторических источников, а также их домысливания в изложении исторических событий в целях государственной пропаганды»⁷; по утверждению С. И. Маловичко, «в этом сочинении императрица пыталась совместить теорию естественного права как с современной ей политико-правовой сферой, так и с историей русского государства, причем с большим желанием представить его прошлое в соответствии с принципами разума»⁸. Таким образом, историографы сходились во мнении о целенаправленной работе императрицы над тем, *как* представлять исторический материал, а не столько над тем, *что* описывать, и, следовательно, выходили на проблематику авторских стратегий Екатерины II⁹. В то же время один из первых исследователей проблемы «Екатерина II

как историк» В. С. Иконников подчеркивал, что создательница «Записок» весьма внимательно относилась к роли христианского вероисповедания в жизни славян: «Она отмечает везде геройские подвиги русских, главным двигателем которых была вера»¹⁰. В связи с этим представляется закономерной постановка вопроса о специфике авторской стратегии Екатерины II в «Записках» как выявлении намеренного выстраивания писательницей концепции российской истории, при которой осознанно акцентировалось внимание подрастающих читателей на религиозно-нравственных аспектах.

Цель издания определялась писательницей-императрицей прежде всего как просветительская. В этот период жизни она создавала произведения, которые были обращены не только к дворянскому сословию, просвещаемому самолично Екатериной II через театральные жанры и публицистику, но и непосредственно к подрастающим внукам, Александру и Константину. Именно для них она пишет «Бабушкину азбуку», аллегорические сказки о царевиче Хлоре и Февее, именно им, по всей видимости, как и всему российскому юношеству, посвящает венценосный автор «Записки».

С одной стороны, писательская стратегия Екатерины II по-прежнему продолжает реализовываться в сторону уменьшения коммуникативной дистанции между правителем и подданными и сведения ее до уровня «семейной беседы», с другой стороны, «галантный диалог», который отчетливо проявляется в произведениях, направленных на просвещаемых дворян, в «Записках» становится более дидактичным — так, условный диалог, приглашающий собеседников к салонной беседе, сменяется прямым назиданием, монологом правителя, обращающегося не столько к современникам, сколько к потомкам, а по этой причине, вновь возвращающегося к традиционной риторике государственного деятеля, вещающего с высот своего царственного статуса¹¹.

В связи с этим идеологические акценты будут расставляться писательницей таким образом, чтобы читатели «Записок» не сомневались не только в том, что автор знаток древнейшей российской истории, но и в том, что он — настоящий патриот, более того, он сам — безусловно славянского происхождения. Неслучайно в «Предисловии» к этому произведению Екатерина подчеркивает, что писать российскую историю должны исключительно люди государственные, а не иностранцы, не понимающие ни российских нравов, ни русского языка. Однако для расширения читательской аудитории писательница-императрица по-прежнему будет использовать двунаправленный способ повествования — воспитательный («добро творить и от дурного остерегаться») и занимательный одновременно («так, как будто мы сами то видели»¹², — обозначая тем самым обращенность этого текста как к юношеству современному, так и к будущему.

Общая просветительская направленность всего выходящего из-под пера Екатерины II звучит в «Записках» постоянным рефреном о недопустимости историка придерживаться сплетен, слухов и «баснословных известий», которые неприемлемы для объективного, логичного, риторического повествования, рассказывающего об истории, а значит, по ее мнению, о деяниях, т. е. такого произведения, которое служит целью прославления России. В связи с этим большую часть своего внимания императрица уделяет образованию российской нации, которая предстает в «Записках» объединением трех народностей — славян, варягов и скифов, и неслучайно

именно к славянскому этносу Екатерина проявляет повышенный интерес, подогреваемый филологическими занятиями по созданию сравнительного словаря индоевропейских языков.

Как известно, еще в 1770-х гг. П. С. Паллас получил от российской императрицы задание по составлению «Сравнительного словаря всех языков и наречий», результатом которого явился обширный труд «Сравнительные словари всѣх языков и нарѣчій, собранные десницею Всевысочайшей особы. Отделение первое, содержащее в себе европейские и азиатские языки. Часть первая» (1787). Следует подчеркнуть, что первым словом в этом словаре было слово «Бог», представленное на 200 языках. Кроме того, с упоминания о Боге начинается Екатерина II и «Бабушкину азбуку» (1780): «Перед Богом все люди равны»¹³. Именно с необходимости «евангельского просвещения» начинается писательница-императрица «Записки», в которых тема славян неизменно будет переплетена с православной религией.

Увлечение Екатериной славянской историей и славянскими языками в 1780-х гг. приводят ее к выявлению не просто связи славянских языков с другими европейскими, но и к обозначению их более древней основы, а вследствие этого, к акцентированию их более весомой позиции по сравнению с индоевропейскими и другими языками. Это увлечение государыней всем славянским подавалось самим автором «Записок» в анекдотическом ключе.

Так, немецкий исследователь К. Шарф с удивлением замечает, что в письме от 1784 гг. к своему другу, Екатерина «...пыталась произвести на Гримма впечатление, сообщив ему о славянском происхождении некоторых географических названий во Франции, Испании и Шотландии, в Индии и Америке, а также идентифицируя имена правителей Меровингов, вандалов и даже древних вавилонян со славянскими»¹⁴. Безусловно, это ощущение величия славянской истории, почерпнутое венценосной писательницей из древнерусских летописей, передалось в ее работе не только над словарем, но и над «Записками», в которых будет слышна перекличка не только с параллельными занятиями императрицы, но с екатерининским временем правления в целом, и таким образом будет устанавливаться не столько научный, сколько просветительский посыл этого произведения.

Можно выделить три способа подачи исторического материала Екатериной II, которые неизменно будут доказывать соотнесение автором описываемых событий с современностью. Такими факторами, свидетельствующими об отсылке исторического факта ко времени правления Екатерины, будут служить: 1) международные отношения, столь важные для правительницы российского государства как показатель его престижа; 2) внутрисемейные сюжеты, острые для императрицы в связи с ее непростыми отношениями с сыном Павлом Петровичем; 3) усиление роли православной Церкви в российском государстве перед лицом внешних угроз.

Примеры первого фактора многочисленны при описании Екатериной II «1-й и 2-й эпох» в ее классификации, когда сама постановка вопроса еще сложна в силу только формирующийся русской государственности. Например, автор «Записок» подчеркивает, что Русь поддерживала отношения с Данией, Швецией и Норвегией на севере, и с Индией, Сирией, Египтом — на юге. Следует отметить, что оппозиция «Север-Юг» в этом произведении имеет для императрицы гораздо большее значение, чем «Запад-Восток». Отчасти это противостояние отсылало к идее о «Северной системе»¹⁵, подразумевающей союз России, Швеции, Дании, Пруссии и Англии,

которая была озвучена Н. И. Паниным еще в 1764 г., но в 1780-е гг. уже становилась не актуальной для внешней политики России. Тем не менее само существование плана «Северного аккорда»¹⁶ означало понимание Екатериной единого просветительского пространства, оформившегося из «северных стран» и обладавшего общими историческими интересами.

«Юг» в связи с этим означал непросвещенные страны, доказательством чего выступала варварская Турция, а «Восток», являющийся частью России, не должен был резко контрастировать с ее западной частью. По утверждению создателя «Записок» отношения с Грецией у восточнославянских народов были «на равных», поскольку Русь была уважаема греками по причине того, что «тогда в Руси было уже много христиан. Сей договор подписан апреля 20 в 3-ей седмице по Пасхе 945 года»¹⁷. Как видим из этого высказывания Екатерины, ею подчеркиваются два обстоятельства равного взаимодействия России с Западом: 1) наличие христиан (т. е. людей, находящихся на более цивилизованной ступени развития, по сравнению с язычниками) еще до Крещения Руси; 2) присутствие в договорах между Россией и Грецией указания на христианский праздник как дату подписания документа. Оба эти факта указывают на понимание автором «Записок» значения христианской религии в российском государстве в прошлом и установку на переосмысление ее роли в настоящем.

Примеры второго фактора, указывающего на отсылку Екатериной II описываемых исторических событий к современности, свидетельствуют о направленности сочинения императрицы на «малый двор». Прежде всего аналогии с сыном возникают при описании правления Олега и Ольги — правителей, которые находились наместниками при малолетнем претенденте на престол. Так, венценосная писательница акцентирует внимание на хорошей жизни наследника при власти регента, как это было у Игоря при правлении Олега: «Олег именем великого князя Игоря утвердил мир и союз со греками и, имея тишину со всеми соседями, живя в Киеве во всяком веселу, наслаждался мудростию его приобретенным спокойствием общим»¹⁸; подчеркивает она и пользу от преемственности в правлении: «Игорь начал княжить только 36 лет от роду после того, как умер Олег, подготовив ему почву»¹⁹; а также говорит Екатерина о лучших свойствах личности регентов, не случайно оказавшихся у власти на Руси: «Святослав редко в Киеве находился и полагался во всем на мудрость и искусство матери своей»²⁰; и особенно реагирует на военные занятия наследников престола: «Великий князь Святослав, донежде мать его, великая княгиня Ольга, была жива, мало о правлении государством прилежал, но упражнялся воинским распорядком»²¹.

Следует подчеркнуть, что к образу Ольги Екатерина проявляет повышенное внимание, ставя акцент опять-таки на просвещенности этой княгини по сравнению с непросвещенными народами, населяющими территорию современного автору российского государства, прежде всего, древлян, которым жена Игоря отомстила, как известно из летописей, за смерть мужа. Ольга в описании писательницы-императрицы предстает идеальной правительницей: «Природная острота разума великой княгини Ольги сияла и посреди не просвещения того века: ее к добродетелям склонная душа находила в тогдашних правилах, нравах, обычаях много недостаточного и исправления требующего. Великий ее смысл понимал, что было ей неизвестно; в соседстве ее находилась империя Греческая, которая часто притягивала по делам внимание правителей России. Оттудова приходили избытки, торги, знания

и даже до понятий о вещах, не сходных принятых в землях, подвластных России. В самом граде Киеве, под очами великой княгини Ольги, находились не токмо греки, но и подданные великого князя Святослава — русы, славяне, варяги, исповедующие уже закон греческий, жития воздержного и добродетельного, поучающие благонравию и любви к ближнему, привлекающие к себе кротостью, послушанием, повиновением и терпеливостью похвалы общи»²². Как показывает это пространное екатерининское высказывание о правлении Ольги автору «Записок» важен дискурс с использованием четкого указания на властительные отношения между правителем и подданными, на правила придворного поведения, которые нужно соблюдать, на иерархические отношения, выстраиваемые между людьми просвещенными и не являющимися таковыми.

Екатерина красноречиво указывает на условие возвышение Ольги, ее христианское, или, говоря словами автора «Записок», «евангельское просвещение»: «Блаженная Ольга, будучи сама от рода князей славянских, паки народ славянский возвысила. При ней всюду имена славянские в начальниках и правителях оказываются. Ольга и язык славенский в употребление общее привела. Известно, что народы и языки народов мудростью и тщанием высших правителей умножаются и распространяются. Каков государь благоразумен, о чести своего народа и языка прилежен, потому и язык того народа процветает. Многие языки исчезли от противного сему»²³. Таким образом, взаимосвязь ценности славянского языка со славянской историей оказывается для венценосной писательницы неоспоримым свидетельством единства обоих предметов с историей церкви, которой она также уделяет повышенное внимание.

В главе, посвященной Ярославу Мудрому, Екатерина II говорит именно о культурно-просветительской роли церкви в российском государстве: «В 1037 году Ярослав совершил стену града Киева и возобновил церковь Святых Софии, построена была великой княгиней Ольгою, также Ярослав построил монастырь Святого Георгия во имя своей княгини, и начала вера христианская расширяться и процветать, ибо Ярослав любил церковные уставы и к книгам прилежал, читая часто во дни и ночи, и собирал писцов многих, переводя от греческого на славянский язык, також повелел книги многие составить для учения народа, и многие исписав, положил в Киеве в церкви Святой Софии, многие церкви по графам и селам устроил, священникам определил жалованье и положил им урок: учить людей закону Божию»²⁴.

Этот третий фактор в соотношении описываемых событий с современностью был особенно важен Екатерине, понимающей значимость роли церкви не только в воспитании юношества, но и в сохранении единства российского государства и его суверенности: «По смерти митрополита Русского великий князь Ярослав, имея со греки несогласие и не хотя более патриарха Царьградского допустить над Русью властвовать и вывозить из оной богатство, велел собраться епископам русским и по правилам святых апостол избрать, митрополита поставить, епископы же, сошедши-ся, избрали и поставили митрополитом Илариона, русина суща, а прежде все, кроме Михаила, были греки и болгары»²⁵. Отмечая важность факта назначения собственно русского митрополита в Древней Руси, императрица, безусловно, отдавала себе отчет в невозможности существования российского государства вне православной веры и церкви.

В связи с этим особенно интересным представляется эпизод выбора веры князем Владимиром. По традиции писателей Просвещения Екатерина II стремится

четко аргументировать описываемое событие сугубо рациональными причинами, понятными с точки зрения человека ее эпохи. Это особенно ощущается в обосновании первого аргумента: «Уже между подданных Владимира много было христиан или наклонности имеющих ко принятию закона христианского и *скучающих* от тогдашнего суеверия»²⁶. Как видим, Екатерина мыслит христианство как более цивилизованное мировоззрение, по сравнению с языческим.

Второй аргумент, не менее важный, касается роли патриарха в церковной службе, его умения произносить речи о вере: «Патриарх же Царьградский наставил их и изъяснил веру православную, и показали им великолепие церковное. Они же хвалили закон и службу Божию»²⁷. Следовательно, автор «Записок», указывая на риторический потенциал проповедей, заявлял не просто о воспитательном потенциале сюжетов из российской истории, а о «церковном великолепии», о важности той роли, которую патриарх и церковь играли в государстве.

Третий аргумент отсылает к семейным связям, которые, с подачи Екатерины II, провозглашаются важными для христианина вне времени. Так, упоминается Ольга, которая, «яко мудрейшая государыня, умела избрать лучший закон»²⁸; Анна, дочь греческого царя, которая согласилась стать женой Владимира только при условии его Крещения. Определение роли женщины в правильности выбранного решения креститься народу и правителям Древней Руси, конечно же, говорило о значении самой императрицы в выборе направления российской истории. Теперь, склоняясь над летописями в ходе работы над «Записками», Екатерина невольно должна была задумываться о том, какое она приняла участие в продолжении на Руси традиции «евангельского просвещения». Возможно, эти раздумья, не в последнюю очередь обусловленные событиями предреволюционной и революционной Франции, резко изменяли ее мнение о роли религии и церкви в российском государстве.

В связи с этим Екатерина, оставаясь человеком эпохи Просвещения, в качестве четвертого аргумента в пользу выбора православного христианства называла проявление «чудесного», которое выразилось в способности правителя излечиваться после принятия православия, смиряясь тем самым с мистическим элементом в сути монаршего правления на Руси.

Доказательством правильности свершенного выбора, по мнению писательницы-императрицы, явилось именно народное просвещение: «Вскоре Владимир повелел строить церкви и училища для детей знатных, средних и убогих, и устроены были многие училища»²⁹. Этот факт она повторяет несколько раз, акцентируя внимание читателей на культурно-образовательном значении описываемого события: «В 996 году Владимир построил церковь Святыя Богородицы, каменную, в Киеве, и дал ей (и на содержание богаделен, больниц, училищ и проч.) от доходов своих десятую часть и сотворил праздник великий в тот день боярам и старшинам градским, и убогим раздал милостыни много»³⁰, — а также подчеркивая роль церкви в этом народном просвещении.

Следует отметить, что в отличие от родоначальника российской исторической науки В. Н. Татищева³¹, впервые обратившегося к изучению летописного наследия, императрица, идя за ним в интерпретационном методе чтения летописи, все же в делении истории на эпохи исходным пунктом летоисчисления называла Рождество Христово. Кроме того, перечисляя факты вступления российских князей на престол, Екатерина II акцентировала читателя на том имени князя, которое получено при крещении, например, «Великий Князь Владимир I во *святом* крещении Василий»³².

Все это должно было свидетельствовать о понимании российской государыни своего народа, православного, крещенного, прошедшего путь «евангельского просвещения».

Дополнительным доказательством этому становится конструирование Екатериной взгляда читателя на саму себя. Так, уделяя значительное внимание эпизоду выбора князем Владимиром веры, императрица сближала прошлое с современной ситуацией: указывала на могущество государства, на его положение среди соседей, на разумность правителя, принимающего взвешенные решения и опирающегося на желание своего народа, — то есть создавала идеальный образ правителя. Направляет читательское внимание автор «Записок» и на появляющиеся на Руси города и их гербы, что также должно было адресовать к самой Екатерине II. В связи с этим останавливается императрица на правлении Владимира Мономаха, которого государыня хвалит за умение налаживать мир и правильно расселять всех желающих жить и трудиться в государстве.

Таким образом, методом герменевтического погружения в изучение «Записок» Екатерины II, можно выделить ту незаметную, если использовать обычную оптику, работу императрицы по восстановлению религиозного смысла российских летописей, которую она, начиная с 1780-х гг., сопрягает с государственной задачей воспитания не только современников, но и будущего поколения российских читателей, по мысли монархини, долженствующих заботиться о престиже России.

Полученные результаты подтверждают идею о переосмыслении императрицей в 1780-х гг. многого из первоначальной просветительской политики, направленной на обоснование своей легитимности через принятые в книгах просветителей и утвержденные в салонах Европы общечеловеческие ценности, вследствие чего Екатерина II смещает решение задачи об утверждении единого европейского просветительского пространства в сторону поиска примеров исключительности Российского государства, в результате чего обращается к изучению его истории по летописному наследию и видит в нем прежде всего материал для воспитания подрастающего поколения.

«Записки...» демонстрируют понимание Екатериной II неразрывной связи истории Российского государства с христианской церковью, с необходимостью сохранять складывающиеся веками традиции, а также готовят почву для возникновения такого идеологического течения, ставшего важной составляющей русской жизни XIX в., как славянофильство.

Библиографические ссылки и примечания

¹ Как сообщает Г. Н. Моисеева, «начало работы Екатерины II относится к 60-м годам XVIII в.». Именно в 1762 г. она просит сделать копию с Троицкого исторического сборника. См.: **Моисеева Г. Н.** Древнерусская литература в художественном сознании и исторической мысли России XVIII века. Л., 1980. С. 82.

² **Пыпин А. Н.** предполагал, что «первое упоминание о „Записках касательно российской истории“ в письмах к Гримму сделано, кажется, 3-го марта 1783 г.», затем эту мысль развивает И. Лосиевский: «В начале 1780-х Екатерина приступила к систематическому изучению рукописных источников — древнерусских летописей, древних актов из государственных церковных архивов». См.: **Лосиевский И.** Императрица Екатерина II — историк // Екатерина II. Мой золотой век. М., 2014. С. 6.

³ **Добролюбов Н. А.** Собеседник любителей российского слова // Н. А. Добролюбов. Сочинения Н. А. Добролюбова. 4-е изд. СПб., 1885. Т. 1. С. 20.

⁴ См.: **Моисеева Г. Н.** Древнерусская литература в художественном сознании и исторической мысли России XVIII века. Л., 1980. С. 82.

⁵ «Трудно найти слова, которые бы служили большим укором Екатерине II при проводившейся ею политике по отношению к Церкви, чем приведенное заключение из Устава князя Владимира». См.: **Стенник Ю. В.** Идея «древней» и «новой» России в литературе и общественно-политической мысли XVIII — начала XIX века. СПб., 2004. С. 133.

⁶ **Стенник Ю. В.** Указ. соч. С. 163.

⁷ **Свердлов М. Б.** Екатерина II как историк // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2014. Т. 4, № 3. С. 64.

⁸ **Маловичко С. И.** Конструирование национального прошлого в очерковой практике исторического описания Екатерины II и И. П. Елагина. Гуманитарные и юридические исследования. 2019. № 4. С. 371. DOI: 10.37494/2409-1030-2019-4-108-116.

⁹ См.: **Акимова Т. И.** Авторские стратегии в творчестве Екатерины II // Пушкинские чтения — 2014. СПб., 2014. С. 303 — 312; **Ее же.** Значение русского языка для Екатерины II и ее просветительской доктрины // Русский язык в контексте национальной культуры. Саранск, 2019. С. 8 — 16.

¹⁰ **Иконников В. С.** Значение царствования Екатерины II // Екатерина Великая. Pro et Contra. Сер. Русский путь : антология. СПб., 2006. С. 900.

¹¹ На близость «Записок касательно российской истории» Екатерины II к ее «Наказу» указал еще М. К. Любавский, приводя слова государыни о требованиях к родителям «воспитывать детей в страхе Божиим...». См.: **Любавский М. К.** История царствования Екатерины II // Екатерина II. Мой золотой век. М., 2014. С. 78.

¹² **Екатерина II.** Записки касательно российской истории // Там же. С. 91.

¹³ **Екатерина II.** Бабушкина азбука великому князю Александру Павловичу. М., 2004. С. 14.

¹⁴ **Шарф К.** Екатерина II, Германия и немцы. М., 2015. С. 261.

¹⁵ **Миловский Н. М.** «Северная система» как вектор внешней политики России в 1764 — 1774 гг. в трудах отечественных исследователей // Вестник Московского Государственного Общественного университета. Сер.: История и политические науки. 2022. № 3. С. 109.

¹⁶ См.: **Савран Ю. К.** Дипломатия Никиты Ивановича Панина // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2016. 2 (33). С. 52 — 58.

¹⁷ **Екатерина II.** Записки касательно российской истории. С. 115.

¹⁸ Там же. С. 111.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же. С. 116.

²¹ Там же.

²² Там же. С. 119.

²³ Там же. С. 122.

²⁴ Там же. С. 156.

²⁵ Там же. С. 158.

²⁶ Там же. С. 136.

²⁷ Там же.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же. С. 138.

³⁰ Там же. С. 141.

³¹ На факт переакцентирования Екатериной II той истории, которая была составлена русским историком, указывает Э. Афанасьев, замечая о неприятии антицерковности В. Н. Татищева. См.: **Афанасьев Э. Л.** На пути к XIX веку (Русская литература 70-х гг. XVIII в. — 10-х гг. XIX в.). М., 2002. С. 173.

³² **Екатерина II.** Записки касательно российской истории. С. 156.

Поступила 03.10.2022 г.